

Гж. В. Колодко

ЧТО ТАКОЕ КАПИТАЛИЗМ И ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ?

Про капитализм и социализм написано очень много. Здесь нет необходимости делать обзор литературы на эту тему, хотя стоит отметить, что на протяжении всего периода, когда соответствующие системы сосуществовали и противостояли друг другу, т.е. в течение большей части XX в., этим терминам приписывалось различное значение, особенно в ходе интеллектуальных, научных, идеологических и политических дебатов.

Экономика – общество – государство

Такая путаница в определениях и отсутствие методологической дисциплины имеют место и сегодня. Неудивительно, что в теоретической дискуссии о том, что такое капитализм, и особенно что такое социализм, консенсуса не было никогда. Определяя капитализм, мы обычно называем его социально-экономической системой, которая основана на частном капитале, стремящемся максимизировать свою прибыль (или, другими словами, на преобладании частных средств производства), и на свободном рыночном обмене. Определение же социализма было и остается, намного сложнее.

Сложность вызвана многими причинами, главная из которых – путаница, вызванная рассмотрением одной и той же темы в разных перспективах или разных тем в одной и той же перспективе. Например, для политолога ключевое значение имеют наблюдения и интерпретации различных вариантов получения и использования власти, а также функционирования государства и его институтов, тогда как для социолога существенны общество и механизмы, регулирующие взаимодействие составляющих его групп населения. Экономист, в свою

Гжегож В. Колодко – доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER, член Европейской академии искусств и наук, иностранный член Российской академии наук (г. Варшава).

очередь, в основном сосредоточивается на наблюдении и анализе повторяющихся экономических явлений и процессов и на их объяснении, и, если речь идет о нормативной (предписывающей) экономической науке – на формулировке рекомендаций по экономической политике и по стратегии роста. При этом, хотя во всех трех случаях используются одни и те же термины – капитализм и социализм, – используются они по-разному. Данные термины обозначают, прежде всего, экономическое устройство, но также явно относятся к обществу и культуре, к государству и праву. Здесь на самом деле капиталистической или социалистической может быть не только экономика, но и общество, и государство.

Ключевое значение имеет тот факт, что когда-то на практике функционировал реальный социализм – от Советского Союза до Китая, от Польши до Югославии, от Вьетнама до Кубы, от Камбоджи до Эфиопии. Подчеркнем сразу, что даже в этих странах он отличался, иногда довольно значительно. Кроме того, различия были не только пространственные – скажем, между Монголией и Венгрией, Албанией и Чехословакией, – но и временные, например, между Польшей первой половины 50-х и второй половины 80-х годов. Впрочем, теоретически у нас у всех был социализм, который иногда называли, особенно в Советском Союзе, научным социализмом. Это был социализм, который вроде бы был или должен был быть, но на практике его почему-то всегда не хватало.

Кстати, говоря о реальном социализме, не будет лишним сделать отступление, что то же самое относится и к реальному капитализму. Существующий на практике, погрязший в кризисах, экономических бедствиях и политических манипуляциях, в скандалах, вызванных как небрежностью, так и нечестностью, с непреодолимым разрывом между заявленными и практическими целями, этот реальный капитализм настолько отличается от описанного в учебниках или его оправдание слишком несоответствует реальности, что нам уже нужна инновационная теория современного капитализма¹, которая ликвидировала бы

---

¹ *Heilbroner R., Milberg W.* The Crisis of Vision in Modern Economic Thought. Cambridge University Press. New York. 1995; *Ormerod P.* The Death of Economics. John Wiley & Sons, Inc. New York. 1997; *Stiglitz J. E.* Making Globalization Work. W. W. Norton & Company. New York – London. 2007; *Csaba L.* Crisis in Economics? Akadémiai Kiadó. Budapest. 2009; *Roubini N., Mihm S.* Crisis Economics: A Crash Course in the Future of Finance. The Penguin Press. New York. 2010; *Kolodko Gr. W.* Truth, Errors and Lies: Politics and Economics in a Volatile World. Columbia University Press. New York. 2011; *Phelps E. S.* Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge and Change. Princeton University Press. New York. 2013; *Galbraith J. K.* The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth. Simon and Schuster. New York. 2014; *Tirole J.* Economics of the Common Good. Princeton University Press. Princeton. New Jersey. 2017.

разрыв между тем, что происходит в реальном мире, и тем, что написано в книгах. Отсюда – то, что я называю новым прагматизмом².

В конце концов, реальность отличалась от теоретической перспективы, а иногда и настолько, что последующие издания одних и тех же академических работ все больше отличались от предыдущих изданий, так как игнорировать реальность становилось уже невозможно. Достаточно сравнить учебники «Политическая экономия социализма» европейских авторов, опубликованные в течение одного поколения – в 50-х и 70-х годах. Как ни странно (и очень важно), они значительно отличались друг от друга в Польше и Венгрии, чем в Болгарии и ГДР. Причина, прежде всего, в том, что из-за различных реформ, которые ослабили смирительную рубашку национализированной и централизованной экономики, лицо реального социализма в первых двух странах значительно изменилось (так же как в Югославии, которая следовала своим особым, но все же социалистическим, курсом). Поэтому изменилось и отражение экономики в политической и научной литературе. Из стран, слабо восприимчивых к реформам, наиболее ортодоксальными были маоистская Албания (кстати, беднейшая страна в Европе) и Румыния – там учебники могли переиздаваться без значительных изменений.

Я знаю случай, когда в Советском Союзе из-за несовершенного планирования при публикации книги «Экономика переходного периода» в 80-х годах осталось много неиспользованных обложек. Красных, с позолоченными буквами, потому что книга была посвящена периоду перехода от капитализма к социализму. Эти обложки в начале 90-х годов были использованы при издании книги с таким же названием, но на этот раз темой был переход от социализма к капитализму.

Разнообразие типов капитализма и социализма описано М. Нути, который дает их интересную классификацию. Он отмечает, что «первоначальный социалистический проект состоит из взятых в разных пропорциях четырех составляющих элементов:

- господство государственной собственности и предпринимательства;
- равенство граждан и значительный размер государственного потребления;
- экономическая демократия и всеобщее участие в экономической деятельности;

---

² Kolodko Gr. W. The New Pragmatism or Economics and Policy for the Future // Acta Oeconomica. 2014. Vol. 64. No. 2. P. 139–160; Bałtowski M. Evolution of economics and the new pragmatism of Grzegorz W. Kolodko // TIGER Working Papers. 2017. No. 136 (March); Galbraith J. K. Backwater Economics and New Pragmatism: Institutions and Evolution in the Search for a Sustainable Economics // TIGER Working Paper Series. 2018. No. 138.

- общественный контроль за основными экономическими показателями (занятость, доход, накопление, рост, инфляция, внутренний баланс, внешний баланс).

Давайте рассмотрим только системы, характеризующиеся по каждому из этих четырех показателей двумя оценками: 0 означает отсутствие или незначительное присутствие, 1 – значительное присутствие. Таким образом, можно построить 16 альтернативных моделей: некоторые из них не существовали никогда, другие больше не существуют, и есть такие, которые существуют и сейчас»³.

Следовательно, существуют разные страны – со своим государством, обществом, культурой и экономикой, – называемые социалистическими. Давайте вспомним, что, с одной стороны, нацистская Германия когда-то была создана партией, которая, будучи фашистской по своей природе, имела в названии слово «социалистическая», украшенное приставкой «национал». С другой стороны, у некоторых людей социализм ассоциируется с чем-то позитивным, а именно с социальной рыночной экономикой скандинавских стран – Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции. В этом контексте, чтобы отличить их от стран ЦВЕ и от Советского Союза, в западной литературе, чаще всего относящейся к науке политической, чем к экономической, страны последней группы называются коммунистическими – государствами и экономиками. Это еще более усложняет дискуссию, поскольку в таком случае одновременно получается три общественно-экономические формации: капитализм (например, Италия), социализм (например, Швеция) и коммунизм (например, Чехословакия).

По ряду причин такая классификация не представляется убедительной. Вообще, коммунизм также имеет много толкований – от «призрака, бродящего по Европе», как его называли 170 лет назад Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте»⁴, и так называемого военного коммунизма в России 100 лет назад, до утопического общественного строя с изобилием товаров и услуг и с социальной справедливостью, который в один прекрасный день должен был прийти на смену социализму. На протяжении всех лет «холодной войны», которая в конечном счете велась в основном на идеологическом и политическом фронте, таким образом, вовлекая в свои сражения общественные науки, включая экономику и социологию, реальность, существовавшая к востоку от Эльбы, на Западе называлась «коммунизм», а на Востоке преобладал термин «социализм». Тем самым оба термина были использованы для описания одной и той же социально-экономической среды.

---

³ Nuti D. M. Types of socialism and capitalism, teaching materials. La Sapienza University. Rome (mimeo). 2011.

⁴ Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. Verso. London. 2012.

Любопытно, что в большинстве стран ЦВЕ едва ли кто-то называл общественно-экономическую реальность 1945–1989 гг. «коммунизмом», потому что этот «коммунизм» должен был только когда-то «настать»⁵. С 1990 г. термин «коммунизм» повсеместно использовался для обозначения уже прошедшей социалистической эпохи, а период после 1989 г. стали называть «посткоммунистическим». Меня самого коснулось это несоответствие, и это было связано с восприятием некоторых моих работ западным читателем. Дело в том, что в названии одной из моих книг значилось слово «постсоциалистический»⁶, а в названии другой – «посткоммунистический»⁷, хотя в обоих случаях речь идет об одном и том же периоде, последовавшем за эпохой реального социализма. Интересно, что 10 лет назад Я. Корнай после своей лекции в Гарварде совместил эти слова в названии одной книги: «Социалистическая система: политическая экономия коммунизма»⁸.

Несмотря на то, что именно наука с ее строгостью и методологической четкостью должна быть критерием определения терминов, которые мы используем и интерпретируем, а также объяснять изучаемые нами явления и проблемы, а затем и устанавливать правильную терминологию для публичных обсуждений, часто все происходит наоборот. В то время как газеты должны были бы чаще использовать язык науки, на практике как раз научные круги заимствуют язык газет. Определенные термины, иногда некритически и довольно необдуманно, заимствуются из разговорной речи и становятся широко распространенными в языке науки⁹. Это полностью относится и к терминологической паре «постсоциалистический» и «посткоммунистический».

Путаница с этими словами привела к тому, что в 90-е годы все республики бывшего Советского Союза рассматривались как «постсоциалистические», даже те, у которых доля частного сектора была гораздо меньше, чем в польской экономике в 80-х годах. Тогда она составляла не менее 20% ВВП, но никому не приходило в голову называть Польшу того времени постсоциалистической страной. Абсурд, когда в 2018 г. мы слышим, что Польша или Венгрия – страны с относительно свободными рынками и либерализованными три десятилетия

---

⁵ *Walicki A. Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia. Stanford University Press. Stanford. 1995.*

⁶ *Kolodko G. W. From Shock to Therapy: The Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford University Press. New-York. 2000.*

⁷ *Kolodko G. W. Post-Communist Transition: The Thorny Road. University of Rochester Press. Rochester. N.-Y. USA. Woodbridge. Suffolk. UK. 2000.*

⁸ *Kornai J. The Socialist System: The Political Economy of Communism. Princeton University Press. New-Jersey. 1992.*

⁹ *Wheen F. How Mumbo Jumbo Conquered the World: A Short History of Modern Delusions. Public Affairs. New-York. 2004.*

экономиками – были в 1988 г. коммунистическими, а Туркменистан, у которого даже сейчас доля частного сектора меньше, чем была в тот период в Польше и в Венгрии, – капиталистическая страна. Если, конечно, не добавить, что именно постсоветский государственный капитализм – новая уникальная категория в классификации экономических систем (т.е. тип 1001, с постсоветскими характеристиками).

В то же время почти все постсоциалистические страны, в том числе и Китай, которые по-прежнему не признают себя едиными, – были втиснуты в другую категорию, которой стали бездумно злоупотреблять как в политических обзорах, так и в исследовательских работах: «развивающиеся», или дословно «нарождающиеся», или «формирующиеся» («emerging») рынки. Итак, «формируемся» – в Хорватии и Вьетнаме, в России и Китае, в Казахстане и Сербии, в Армении и Словении. Пока «сформировалась» только Польша, поскольку она «отныне будет считаться в обзоре FTSE Russell не развивающимся рынком (FTSE Emerging All Cap), а развитым (FTSE Developed All Cap Ex-US). Страна перейдет в соответствующую группу, где уже находятся 24 страны, включая Германию, Францию, Японию и Австралию. Польша – первая страна ЦВЕ, статус которой будет повышен до уровня «развитого рынка»¹⁰.

Таким образом, «формирующийся рынок» – это уже не социализм с его отсутствием механизма свободного рынка, но еще и не капитализм с его зрелым рынком. При таком подходе противопоставление социализма капитализму по признаку «работает рынок или нет» теряет актуальность. Тогда и обсуждение становится менее идеологизированным и политизированным и более практически ориентированным. Следовательно, будет меньше эмоций и политической непримиримости при выяснении того, имеем ли мы дело с реформированной плановой экономикой или с рыночной экономикой и какая это экономика – все еще государственная или уже частная. Это касается и обсуждения ситуации не только в нынешнем Китае, но и в таких странах, как Узбекистан или Азербайджан.

Вот почему далее я отхожу от этих таксономически важных противоречий и, чтобы не усложнять дело еще больше, только замечу: один из кандидатов в президенты США в 2016 г. Б. Сандерс называет себя социалистом, в то время как Э. Макрон, избранный президентом Франции в 2017 г., был министром экономики в правительстве социалистического президента Ф. Олланда. Никого из них, с их политическими взглядами, никогда не приняли бы в партии, которые находились у власти в ЦВЕ до 1989 г., и сейчас не приняли бы в так называемую Коммунистическую партию Китая. «Так называемую», потому что какая же это коммунистическая партия, если она открыто

---

¹⁰ Emerging Europe. Poland to switch from emerging to developed market. Oct. 16. 2017.

признает или даже одобряет типичные признаки капиталистической экономики, в том числе стремление частного капитала к прибыли, высокий уровень безработицы, наиболее распространенные формы социальной изоляции и огромные неравенства в доходах, намного выше, чем во многих капиталистических странах¹¹.

Это отнюдь не исчерпывает путаницу в применении терминов «социализм» и «социалистический», поскольку когда-то была идея утопического социализма, порожденная, в частности, французами А. де Сен-Симоном (1760–1825) и Ш. Фурье (1772–1837). Были и попытки ее реализации, например, тем же Ш. Фурье в колонии Ла Реюньон в Техасе или валлийцем Р. Оуэном (1771–1858) сначала в Нью-Ланарк в Шотландии, а затем в США. Уместно добавить, что и в наши дни нет недостатка в идеологах утопического социализма, хотя из-за репутации, приобретенной реальным социализмом, и из-за невысокой привлекательности современных левых программ, у них крайне мало сторонников. Об этом свидетельствуют и откровенно жалкие результаты соответствующих партий на недавних выборах даже в европейских странах, где в прошлом партии с социалистической ориентацией, а также лейбористы и социал-демократы, выглядели вполне пристойно.

Еще одно не менее важное соображение: в настоящее время существуют гибридные и малоэффективные, а иногда и склонные к кризисам, общественно-политические режимы, которые называются социалистическими, как их противниками, так и их идеологами и сторонниками. Я не говорю здесь о той карикатуре на социализм, которую сотворил бывший президент Зимбабве Р. Мугабе, который в начале XXI столетия заявил о своей готовности ввести централизованно контролируруемую экономику, в то время как на самом деле его политика допустила расцвет крайне коррумпированного государственного капитализма. Скорее к таким режимам следует отнести более примечательные латиноамериканские эксперименты – «социализм XXI в.» Уго Чавеса и его преемника в качестве президента Венесуэлы Николаса Мадуро или другого «социализма XXI в.» в Боливии, Эквадоре и Никарагуа.

Все эти смешанные системы, с элементами политики, которую некоторые считают социалистической, по существу, представляют собой социально ориентированные капиталистические экономики, которые функционируют в экономически менее развитых странах. Хосе Мухика, когда-то партизан из Тупамарос, позже (в 2010–2015 гг.) левый президент Уругвая признал: «Существует фундаментальная про-

---

¹¹ Значение индекса Джини в Соединенных Штатах составляет около 0,4, тогда как в Китае – около 0,46. Хотя по методологическим причинам и из-за отсутствия точных данных эти показатели не сопоставимы, можно предположить, что они довольно точно отражают диспропорции в распределении доходов двух крупнейших экономик мира.

блема: вы не можете создать социализм с помощью декрета. У нас, у левых, есть склонность влюбиться в предмет наших мечтаний, а потом путать его с реальностью»¹². Сам Н. Мадуро, видя, какие убогие результаты принесла венесуэльская версия «социализма XXI в.», заключает: «Говоря о рабочем классе, Маркс сказал, что нужно время, чтобы изменить историю. Маркс был прав. Это долгая борьба»¹³. Для этого требуется больше времени, чем есть в распоряжении.

Обсуждение выбора между капитализмом и социализмом для бедной (ВВП на душу населения – 7 200 долл. по паритету покупательной способности, ППС) и небольшой (население 11 млн человек) Боливии, безусловно, интересно. Обсуждение же такого выбора для Китая, который быстро богатеет (ВВП на душу населения – 15 400 долл. по ППС) и остается гигантским по населению (1,4 млрд человек), уже просто увлекательно. Боливия не повлияет на судьбу человечества. Китай же никак не может на нее не повлиять¹⁴.

Социализм и экономика дефицитов

В теории, при социализме эффективное централизованное планирование должно было обеспечивать экономическое равновесие, однако при реальном социализме, и это испытали на себе сотни миллионов людей, никакого равновесия не было. Фактически, это была экономика системного дефицита: спрос постоянно превышал предложение со всеми негативными последствиями такого дисбаланса. Это происходило как в сфере производства (сектор предприятий), где дефицит нарушал его непрерывность, что вело к снижению эффективности по сравнению со сценарием альтернативного равновесия¹⁵, так и в сфере потребления (сектор домашних хозяйств). От этого дисбаланса население страдало особенно сильно. Масштабы дефицитов были различными, и дефициты отличались во времени и в пространстве. Они были менее острыми в странах, которые не экспериментировали с частичной либерализацией цен и в то же время имели строгую систему контроля над заработной платой и цен (в Че-

---

¹² Цит. по: *Anderson J. Lee. Accelerating Revolution // The New Yorker. 2017. Dec. 8. P. 42–53.*

¹³ *Ibid.* P. 53.

¹⁴ *Halper S. The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. Basic Books. New-York. 2010; Kissinger H. On China. Penguin Press. New-York. 2011; Kissinger H. World Order. Penguin Press. New-York. 2014; Shambaugh D. China's Future. Polity Press. Cambridge. UK – Malden. MD. 2016; Kolodko G. W. Will China Save the World? // Roubini EconoMonitor. 2017. May 24.*

¹⁵ *Kornai J. Anti-Equilibrium. On Economic System Theory and the Task of Research. North Holland. Amsterdam. 1971.*

хословакии и ГДР), и наиболее суровыми в Польше после непоследовательных реформ конца 80-х годов¹⁶.

Дефициты возникали во всех социалистических странах, т.е. в экономиках, основанных на преобладании, а иногда даже на полном господстве государственной собственности, на централизованном планировании объема и структуры производства и контроле над зарплатами и ценами. Предложение продукции – как товаров, так и услуг – было недостаточным для того, чтобы сбалансировать спрос. Разумеется, масштабы и степень дефицитности разных видов продукции отличались.

Слово «дефицит» было в принципе нетипичным для учебников по экономике в странах реального социализма, пока Я. Корнай¹⁷ не придал ему статус одной из фундаментальных категорий централизованной плановой социалистической экономики¹⁸. Кроме того, он указал на неразрывную связь между этими двумя экономическими категориями – социализмом и дефицитом. Если есть социализм, есть дефициты. Если есть дефициты, есть социализм¹⁹.

Хотя ни в одной экономике в странах ЦВЕ, не говоря уже о Советском Союзе с его сильным акцентом на тяжелой промышленности и высоких расходах на вооружение, недостатки так и не были успешно искоренены. Периодически, правда, случалось, что предложение потребительских товаров было относительно приемлемым и близким к равновесию. Это не был полноценный самодостаточный потребительский рынок, но и не болезненно дефицитная экономика; это был рынок производителя, поскольку при относительно небольшом предложении он диктовал потребителю, как себя вести и что покупать.

Состояние полного, идеального рыночного равновесия имеет место – только теоретически – при свободных ценах, которые «очищают рынок»; все предложение (Ψ) продается, весь спрос (Π) удовлетворяется:

$$\Pi = \Psi \quad (1)$$

Рынок производителя располагает небольшим профицитом спроса над предложением, временами приводящим к таким неудобствам, как

---

¹⁶ Kolodko G. W. From Shock to Therapy: The Political Economy of Postsocialist Transformation.

¹⁷ Kornai J. Economics of Shortage. North Holland. Amsterdam. 1980.

¹⁸ Кстати, показательно, что в польском издании «Экономики дефицита» название менее угрожающее: «Niedobór w gospodarce», т.е. *дефицит в экономике*, а это не то же самое, что *экономика дефицита*.

¹⁹ Дефициты иногда возникали и в капиталистических странах, включая США и Японию, особенно Великобританию во время Второй мировой войны (Charlesworth H. K. The Economics of Repressed Inflation. Routledge. Abingdon. Oxon. 2003). Это было вызвано административными мерами, принятыми для подавления инфляционного роста цен. Такие дефициты сопровождались широким распространением карточной системы.

вынужденное приобретение менее желательной продукции (например, покупка дивана с бордовой обивкой вместо желаемой бежевой или покупка теплого пива вместо холодного). На практике это означало блуждание по магазинам в поисках требуемого товара, которое заканчивалось или тем, что товар в конце концов находился и покупался или покупался его заменитель более низкого качества. Возможна и другая ситуация:

$$П2 > \Psi 2 \quad (2)$$

Это рынок потребителя. Здесь потребитель имеет преимущество над производителем, поставщиком и продавцом. Потребитель может не спешить покупать, он может выбирать и менять товар, суетиться или торговаться. В такой ситуации еще нет структурно чрезмерных запасов и потерь товаров, потому что в конце концов товары продаются:

$$П3 < \Psi 3 \quad (3)$$

Когда превышение спроса над предложением большое и имеет структурный характер, что означает постоянную неспособность купить желаемый товар, а потерянное время покупателя превышает его терпение, мы имеем дело с экономикой дефицитов:

$$П4 > \Psi 4 \quad (4)$$

И наоборот, когда все товары, поставляемые на рынок, уже нельзя продать – даже с использованием различных маркетинговых приемов и с огромными расходами на рекламу, – и часть этих товаров пропадает, мы имеем дело с экономикой излишков (экономикой перепроизводства):

$$П5 < \Psi 5 \quad (5)$$

Эти варианты графически представлены на рис. 1.

Нарушить хрупкую границу и перейти от рынка производителя к дефицитам было намного проще, чем вернуться обратно. Было также трудно перейти от рынка производителя к относительному балансу. В Венгрии такой баланс, с элементами рынка покупателя, был успешно достигнут благодаря рыночным реформам после 1968 г., а в Польше – в начале 70-х годов, причем в значительной степени благодаря кредитам, охотно предоставленным капиталистическим Западом. Поэтому элементы потребительского рынка были усилены ценой возникновения внешнего дисбаланса, который привел к росту внешнего долга. Этот рост продолжался до тех пор, пока долг стало невозможно обслуживать.

Рис. 1. Рынок производителя (с дефицитами) по сравнению с рынком покупателя (с излишками)

Поэтому, когда в первой половине 70-х годов мы поехали из Варшавы в Будапешт, то считали – и не без оснований, – что там ситуация лучше. Однако, когда кто-то из нас не нашел джинсы нужного размера и должен был натягивать джинсы на размер меньше, а вместо желаемого долгоиграющего диска Led Zepplin кто-то вышел из магазина на улице Ленина с диском группы Procol Harum, мы поняли, что дефициты есть и там. Конечно, в менее заметных сегментах рынка – например, на рынках жилья, автомобилей, телефонов, иностранной валюты для поездок за границу – дефициты были еще большими. Как бы то ни было, в Венгрии уровень дефицитов был относительно низким. Интересно, что при этом автор теории экономики дефицитов именно венгерский экономист, хотя у румын и болгар, русских и украинцев, словаков и чехов, безусловно, было больше возможностей для соответствующих наблюдений.

Несомненно, «Экономика дефицита» Я. Корнай оказала большое влияние на состояние умов и, следовательно, на экономическую политику в социалистических странах. Не сразу, не во всех и не в одинаковой степени, но в целом воздействие было огромным. К сожалению (по крайней мере, для реального социализма), попытки устранить дефициты путем повышения гибкости цен и превращения их в частично рыночные, закончились неудачей. Именно в частично рыночные, потому что нигде – даже в самых рыночных экономиках Польши и Венгрии – их регулирование полностью не отменялось²⁰.

²⁰ В Польше в середине 1989 г. около половины цен уже были свободными («де-регулированы») и тем самым соответствовали рыночной стоимости. В таких странах, как Албания или Румыния, в то время свободных рыночных цен почти не было.

В силу самой сути реального социализма, догматически принявшего меры против чрезмерного повышения цен, которые не были слишком высокими и создавали гарантии для доступа к продуктам и услугам для всех групп населения, реформы ценообразования просто не могли быть эффективными. Частично они состояли в том, что государство повышало цены до уровня, который уравнивает спрос с предложением, и частично в снятии ценовых ограничений («дерегулировании» цен), что позволяло ценам меняться под действием свободного рынка. Когда неизбежное при таких реформах повышение цен сопровождалось частичными компенсациями возросших расходов на проживание, это называлось «реформы цен и доходов». Политика такого типа, которая в основном касалась сферы потребления, поскольку в производственном секторе государство держало цены более жестко, смогла временно улучшить ситуацию на квазирынке. Она уменьшала симптомы (в форме дефицитов), не устраняя причин системного заболевания²¹.

Хуже того, в странах, постепенно отходящих от модели ортодоксального социализма, характеризующейся высокой степенью централизации решений и строгим бюрократическим контролем над ценами²², – а этот процесс с различной интенсивностью происходил уже с 1956 г., особенно в Польше и Венгрии, и в меньшей мере в Болгарии и Чехословакии – предварительные реформаторские меры в виде частичного дерегулирования цен привели к их росту, а не к сдерживанию. Я. Корнай писал: «В одном направлении есть причинно-следственная связь: дефицит усиливает тенденцию к дрейфу цен (вверх). Но в противоположном направлении такой связи нет... Постоянный уровень цен, падение цен и повышение цен одинаково совместимы с постоянным поддержанием нормальной степени дефицита. Нормы дефицита не вечны, но никакое изменение цен в любом направлении не может само по себе изменить их в долгосрочной перспективе»²³. Помимо подавленной инфляции, типичной при государственном контроле над ценами, появилась также открытая инфляция. Первая привела к тому, что домохозяйства накопили вынужденные денежные

---

²¹ Kolodko G. W. The Repressed Inflation and Inflationary Overhang under Socialism // Faculty Working Paper. No. 1228. Bureau of Economic and Business Research. University of Illinois. Urbana-Champaign. 1986; Nuti D. M. Hidden and Repressed Inflation in Soviet-Type Economies: Definitions, Measurements and Stabilization // Contributions to Political Economy. 1986. Vol. 5. P. 37–82.

²² Здесь я имею в виду цены в строгом смысле слова, т.е. денежное выражение стоимости потребительских товаров и услуг, которые обмениваются на рынке, а не цены в широком смысле, включая цену труда, заработную плату, цену денег в будущем (процентную ставку и цену иностранной валюты, или обменный курс).

²³ Kornai J. Economics of Shortage. North Holland. Amsterdam. 1980.

сбережения, а вторая – к инфляции цен, поскольку имело место классическое повышение общего уровня цен.

Между тем при социализме, проведенной реформы, оба эти заболевания появились как что-то неизвестное для свободной рыночной экономики и как что-то совершенно неслыханное при капитализме. Для этого синдрома двойной инфляции, частично открытой, частично подавленной, мной придумано название *shortageflation* («дефицитотфляция») ²⁴, по аналогии с стагфляцией ²⁵ (сосуществование стагнации, т.е. медленного роста производства, и сопутствующего роста безработицы и инфляции), которая известна при капитализме. Степень стагфляции обычно измеряется как общая сумма уровня безработицы (U) и инфляции цен (CPI):

$$SF = U + CPI \quad (6)$$

тогда как уровень дефицитотфляции выражается суммой дефицитов (SH) и инфляции цен (CPI):

$$SHF = SH + CPI \quad (7)$$

Сравнение темпов стагфляции (SF) и дефицитотфляции (SHF), хотя и спорно, однако имеет большой смысл ²⁶. В первом случае речь идет о выборе между уровнем инфляции и уровнем безработицы – эта дилемма описывается кривой Филлипса ²⁷, а во втором – между темпами инфляции цен и темпами подавленной инфляции, приводящей к дефицитам, что описывается кривой дефицитотфляции.

Не вникая в методологически сложную тему измерения дефицитов, разумно противостоять этим двум процессам, а это не столько ситуации, сколько процессы, протекающие во времени и отражающие системные недостатки капитализма и социализма. Я. Корнаи ссылается на это в своей книге «Динамизм, соперничество и экономика избытков. Два очерка о природе капитализма» ²⁸, когда он предпочитает капитализм как меньшее из двух зол, потому что система, которая по своей сути предполагает постоянное перепроизводство с сопутствующим

---

²⁴ Kolodko G. W. The Repressed Inflation and Inflationary Overhang under Socialism.

²⁵ Haberler G. Stagflation: An Analysis of Its Causes and Cures // American Enterprise Institute for Public Policy Research. 1977. No. 329. Washington, D. C. 1977.

²⁶ Kolodko G. W., Walter W. McMahon. Stagflation and Shortageflation: A Comparative Approach // Kyklos. 1987. Vol. 40. Fasc. 2. P. 176–197.

²⁷ Fisher I. I Discovered the Phillips Curve: 'A Statistical Relation between Unemployment and Price Changes // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81. No. 2. P. 496–502.

²⁸ Kornai J. Dynamism, Rivalry and the Surplus Economy. Two Essays on the Nature of Capitalism. Oxford University Press. Oxford – New-York. 2014.

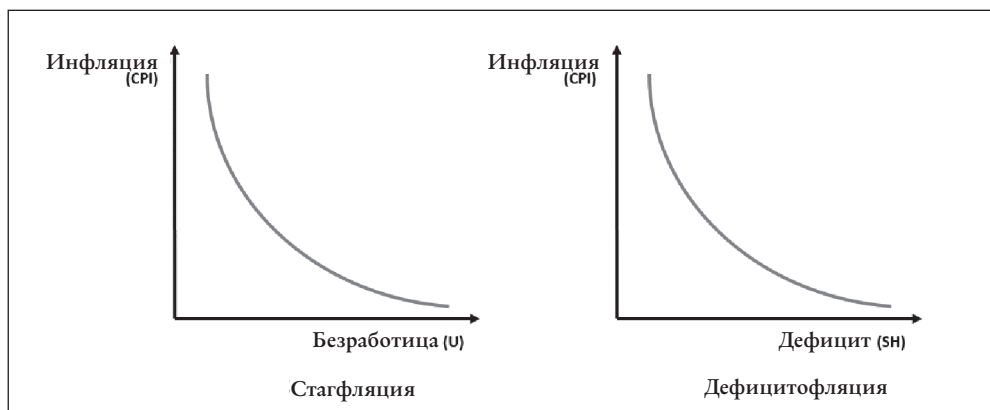

Рис. 2. Стагфляция и дефицитofляция

щей безработицей, далека от идеала. Это реальный капитализм, который на практике не может найти идеал, существующий в теории, т.е. полную занятость. В реальном капитализме она достигает, в лучшем случае, так называемого естественного уровня безработицы.

Это слово, конечно, сильно раздражает Я. Корнаи, потому что как может быть естественной такая вопиющая потеря ресурсов, как системная безработица? Он пишет: «До сих пор я не могу читать без раздражения (даже возмущения), это так часто повторяющееся, канонизированное выражение – *естественный* уровень безработицы. Естественный? Зеленая Природа лесов и зайцев, скал и землетрясений каким-то образом установила необходимость безработицы? В течение многих десятилетий я был резким критиком социалистической системы, но и друзья, и враги должны понимать, что она характеризуется хронической нехваткой рабочей силы, а не хронической безработицей и значительным избытком рабочей силы»²⁹.

Конечно, сторонники термина «естественный уровень безработицы», не связывают безработицу с Матерью Природой, они просто констатируют тот неприятный факт, что безработица – это неотъемлемая черта капитализма, которая всегда и везде ему присуща. Другими словами, такова его природа. Точно так же, согласно теории дефицитной экономики Я. Корнаи, социализм естественным образом связан с дефицитами. Другими словами, такова его природа.

Протестуя против очередей и высоких цен, или *дефицитofляции*, и предлагая переход к рыночной экономике, которая быстро оказалась капиталистической, многие, думаю, большинство людей в социалистических странах, включая немало экономистов, не понимало, что они фактически выступают за замену структурной безработицы на

²⁹ Kornai J. Dynamism, Rivalry and the Surplus Economy. P. 92–93.

структурные дефициты. В результате постсоциалистические страны, мечтавшие о сбалансированной экономике, свободной от инфляции и не знающей дефицитов, почти как Алиса в Стране Чудес, прошедшая через зеркало, переместились с правой части рисунка – от неприемлемой альтернативы между открытой (ценовой) инфляцией и подавленной инфляцией (дефицитом) – в ее левую часть, получив столь же неприемлемую, хотя и другую, альтернативу между инфляцией цен и безработицей (рис. 3).

На пересечении осей X и Y никак невозможно остановиться без инфляции, без дефицита и без безработицы. Поэтому Я. Корнаи прав, говоря, что капитализм это меньшее из двух зол, поскольку он представляет собой систему, которая, согласно общепринятому мнению, не гарантирует динамического равновесия из-за постоянных дефицитов, недозагрузки производственных мощностей и, что хуже всего, еще и безработицы. Зато он обеспечивает более высокую экономическую эффективность, чем погрязший в дефицитах социализм, и, таким образом, обеспечивает лучшее долгосрочное экономическое развитие и более высокий уровень жизни населения.

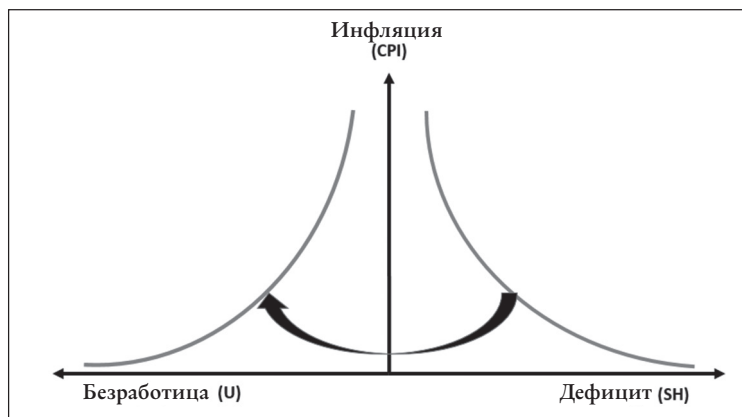

Рис. 3. Перемещение в Зазеркалье, или от альтернативы «инфляция-дефицит» к альтернативе «инфляция-безработица»

Когда я ищу односложный ответ на вопрос о причинах краха реального социализма, то нахожу такой ответ в слове *дефицитотфляция*. Этот синдром разъедал, как раковая опухоль, и без того не слишком здоровый организм национализированной, чрезмерно централизованной и бюрократизированной социалистической экономики и в конце концов превратил общественное непризнание этого режима в его полную отставку. *Дефицитотфляция* настолько сильно подрывала эффективность сектора производства и снижала удовлетворенность домохозяйств объемом потребления, хотя он и соответствовал общему экономическому росту, что в этих странах не только обще-

ство в целом перестало поддерживать систему, но и элиты отказались от попыток ее реформировать. Напрасные усилия по модернизации социалистической системы сменились полным ее упразднением или системной трансформацией.

Я. Корнаи дает точный диагноз причин дефицитов при социализме, показывая, что их источником стал феномен мягких бюджетных ограничений³⁰. Ценовые манипуляции – чаще бюрократические, чем либеральные – вряд ли были бы возможны, если не сопровождалась бы системным ужесточением бюджетных ограничений и подгонкой финансовых потоков, поступающих на предприятия и в домашние хозяйства до фактического уровня экономического потенциала.

В наше время в основном существует консенсус в отношении того, что при реальном социализме мягкие бюджетные ограничения вызывались главным образом государственной собственностью на средства производства, а они, в свою очередь, вызывали инфляцию – более-менее подавленную или более-менее открытую, в зависимости от времени и места, т.е. в зависимости от системных и политических факторов. Такова была реальность, но была ли она неизбежной? Хотя Я. Корнаи утверждает, что была, у М. Нути по этому поводу есть сомнения. Он считает, что, теоретически, «очищающие рынок» равновесные цены могли бы существовать и при социализме, причем без необходимости введения режима жестких бюджетных ограничений³¹. И если это не произошло, значит было вызвано ошибочной экономической политикой, но не сущностью системы.

В Советском Союзе и в социалистических странах ЦВЕ попытки в этом направлении предпринимались, но неудачные. Между тем в Китае, а также во Вьетнаме³² и в очень слабо развитых Камбодже и Лаосе – это сработало. Тогда не ошибается ли Я. Корнаи, и рыночные равновесные цены возможны и при социализме? Там, где они достигаются, происходит ли это при жестких или мягких бюджетных ограничениях? Что следует из эволюции китайской экономической системы? Социализм ли это со сбалансированным рынком или, точнее, рынком потребителя, поскольку предложение превышает спрос, или это капитализм с рынком, характеризующимся перепроизводством и безработицей, и с частично еще остающимися мягкими бюджетными ограничениями?

---

³⁰ Kornai J. Economics of Shortage; Kornai J. The Soft Budget Constraints // *Kyklos*. 1986. Vol. 39. No. 1. P. 3–30; Kornai J. The Road to a Free Economy. Shifting from a Socialist System. The Example of Hungary. W. W. Norton and Company. London – New-York. 1990.

³¹ Nuti D. M. Kornai: Shortage versus Surplus Economies // *Acta Oeconomica*. 2018. Vol. 68 (1). P. 85–98.

³² Kornai J., Yingyi Q. Market and Socialism: In the Light of the Experiences of China and Vietnam. Palgrave Macmillan. Houndmills. Basingstoke. Hampshire – New-York. 2009.